

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Долгирев
Усталые звери

Александр Сергеевич Долгирев

Усталые звери

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42398157

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-5321-0291-0

Аннотация

США, 1934-й год. Революция двадцатые сменились нищими тридцатыми. В пору ослабления властных институтов, в пору отчаяния и безнадежности все большую силу за собой чувствуют незаконные ребята с пушками. Они больше не боятся закона, а в некоторых местах – в тех, что подальше от оживленных дорог – они сами становятся законом. Небольшой городок на самом юге страны, как раз одно из таких мест. Только здесь власть в руках не у одной, а сразу у двух банд, которые готовы начать стрелять в любой момент. Хороший или дурной, но хозяин должен быть один, а значит, узел должен быть разрублен. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
1	10
2	18
3	23
4	28
5	34
6	40
7	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Пролог

Бар «Барракуда» – недурное заведение на Мэддисон-стрит. Обстановка в морском стиле – штурвалы, рыболовные сети и гарпуны. Кроватки в коктейльных бокалах для идиотов и настоящая выпивка для тех, кто знает нужное слово.

В неосвещенном переулке напротив входа в «Барракуду» стоял, привалившись к стене, человек. Шляпа была надвинута ему на глаза, а плащ застегнут на все пуговицы. В правом кармане у человека лежал револьвер и пачка сигарет. Человек был совершенно спокоен. Глаза его были закрыты, а поза расслабленна.

Человек достал сигарету и прикурил, прикрывая спичку рукой. Сделав это, он затушил спичку и сунул в левый карман пиджака, но вторую руку от лица не убрал, продолжая закрывать маленький огонек тлевшей сигареты от посторонних глаз. Это было излишне – никто не следил за ним, никто не замечал его, а если и замечал, то всем было плевать – курить в переулках закон не запрещал. Однако человек уступил своей профессиональной привычке, точнее, просто не заметил ее. Через пару минут окурочек устроился в небольшом портсигаре, который этот аккуратный человек держал в левом кармане.

А еще через пару минут дверь бара резко открылась, и на

улицу вывалился растрепанный здоровяк, который оскользнулся на пороге и едва не поцеловал мостовую. Вслед за здоровяком выскочила расфуфыренная, похожая на куницу женщина. Оба были изрядно пьяны, но здоровяк пьянее. Он согнулся пополам и уперся ладонями в колени – содержимое желудка было готово к путешествию. Женщина участливо наклонилась к нему, но толстяк отмахнулся и громко послал ее.

Лицо человека в переулке исказила гримаса отвращения, но он мгновенно вновь взял себя в руки. Все же справившись с внутренней бурей, здоровяк медленно распрямился и пошел налево от входа в бар. Женщина запротестовала, показывая рукой в другую сторону, но здоровяк схватил ее за запястье и потащил за собой.

Как только направление движения толстяка стало очевидно, аккуратный человек отлепился от сырой стены и направился на соседнюю улицу. Он быстрым шагом прошел два квартала, вернулся на Мэддисон-стрит через еще один переулок, перешел дорогу и оказался на той же стороне улицы, по которой небыстро шел со своей подружкой здоровяк.

Аккуратный человек прикинул этот маневр еще вечером, когда здоровяк, которого все называли Эдди-бочкой, только зашел в «Барракуду», чтобы накидаться. Теперь Эдди и аккуратный человек медленно сближались. Человек придал своей походке расслабленную, даже немного расхлябанную манеру, будто сам немного выпил.

Когда до Эдди и его подружки, державшейся отчего-то за скулу, осталось метров двадцать пять, аккуратный человек достал из правого кармана пачку, вытащил сигарету и начал выразительно ощупывать содержимое своих карманов в поисках спичек. После этого он бросил растерянный взгляд на успевшего подойти Эдди, который, несмотря на опьянение, тоже его заметил.

Человек немного ускорил шаг и сблизился с Бочкой как раз под разбитым фонарем.

– Есть прикурить, дружище?

– Ага... Щас, приятель, погоди...

– Карло передает привет.

Человек произнес эти слова совсем тихо, как бы невзначай наклонившись к уху толстяка. Эдди дернулся, но тут же расслабился всем телом – аккуратный человек быстрым и сильным движением глубоко всадил тонкий стилет ему в грудь, пробив грудную клетку и поразив сердце. Толстяк пошатнулся и начал заваливаться вперед. Человек сделал шаг назад, придал своему лицу испуганное выражение и посмотрел на подружку Эдди:

– Что это с ним?!

После этого он, будто от испуга, отскочил назад и дал телу Эдди упасть на мостовую. Женщина подбежала к трупу и начала трясти его за плечи. Убийца, не теряя времени, дошел до подворотни, вытащил из левого кармана немного помятую открытку и насадил ее на окровавленное острие сти-

лета. Прodelав это, он бросил кинжал прямо на мостовую и растаял в темноте.

Аккуратный человек прошел подворотню насквозь, перемахнул через какой-то забор, снял перчатки и вышел на достаточно оживленную улицу. Работа была исполнена чисто и спокойно. Да, был живой свидетель, но прежде, чем та баба разберется, что к чему, аккуратного человека и след простынет, а найти в Чикаго человека по признакам: серый плащ, серая шляпа, серый акцент, серое лицо, было совершенно невозможно.

– Эй, козел!

Женский голос был весьма раздражен и требователен, но аккуратный человек даже не замедлил шаг – он прекрасно понимал, что это не к нему.

– Стой, я сказала!

Голос раздался уже ближе. Убийца не стал оборачиваться, хотя на громкие крики оглянулись почти все, кто был в этот момент на улице. Не желая испытывать судьбу лишний раз, аккуратный человек дошел до очередного малоосвещенного поворота и нырнул туда. Он отошел в густую тень ближайшего дома и стал ждать. Вскоре убийца увидел женщину и без труда ее узнал – это была подружка Эдди-бочки. Она вышла под единственный фонарь в переулке и закричала:

– Я знаю, что ты здесь, ублюдок! Выходи, а не то...

Что она намеревалась сделать, если бы убийца не вышел, так и осталось тайной, потому что он зажал ей рот и утащил

в тень.

– Не ори и не дергайся. Я не стал трогать тебя тогда, но перемену свое решение, если ты продолжишь шуметь. Кивни, если поняла.

Аккуратный человек почувствовал, как она кивает, а еще легкий аромат яблок от ее волос.

– Хорошо. Сейчас я отпущу тебя, и мы разойдемся тихо и мирно. Но если ты снова начнешь делать глупости, третьего шанса, а равно и восхода солнца тебе не видать. Кивни, если поняла.

На этот раз женщина не кивнула. Прошло примерно тридцать секунд. Аккуратный человек почувствовал, что женщина пытается говорить. Он подумал немного и убрал руку с ее рта. Все же, чтобы у женщины не возникло обманчивого ощущения безопасности, убийца положил ладонь ей на шею и слегка сдавил.

– Без глупостей, хорошо?

– Да, хорошо... Только разойтись тихо и мирно у нас не выйдет, красавчик. Ты грохнул Эдди – туда ему и дорога! Вот только я теперь совсем одна, а в наши времена разница между одиночкой и мертвецом лишь в том, что мертвецу уже не больно. Эдди был козлом, но Эдди защищал меня – теперь защищать меня будешь ты... или тебе придется запачкать руки еще раз. Я не дура, красавчик – я же вижу, что ты не хочешь убивать меня...

После этих слов аккуратный человек надавил на ее горло

чуть сильнее, а второй рукой достал из кармана револьвер и приставил дуло к спине женщины. Когда она заговорила, голос ее был тихим и хриплым, но вот страха в нем не прибавилось:

– Не убедил, красавчик. Под дулом пистолета мне уже приходилось бывать – меня это не впечатляет... Я не отступлюсь, сколько не пугай – либо ты возьмешь меня с собой, либо оставишь в этой подворотне с пулей в спине!

Минуты текли. Ствол пистолета больно впивался женщине в спину, но она терпела, не говоря больше ни слова. Аккуратный человек тоже молчал, принимая решение. Наконец он спросил:

– Как тебя зовут?

– Джули, а тебя?

Убийца не ответил. Он убрал револьвер обратно в карман, отпустил шею женщины, оставив на ней легкий синяк, и направился в сторону автомобиля, припаркованного в нескольких кварталах от «Барракуды». Джули, аккуратно ступая по грязи, шла за ним.

1

Карло Гримальди имел немного необычную внешность для итальянца. Невысокий и крепкий, но при этом голубоглазый и светловолосый. Было время, когда в «семье» гуляли шепотки насчет того, что Карло не приходится родным сыном своему отцу – уважаемому человеку с Сицилии. Но Карло превратил эти назойливые шепотки в истошные вопли, за которыми следовала мертвая тишина.

На самом деле Карло не был таким уж злодеем – аккуратному человеку доводилось видеть настоящих отпетых мерзавцев, и Карло не был таким. Мистер Гримальди начинал с роли простого солдата, а в итоге смог стать доном пусть и не самой большой, но все же весьма уважаемой «семьи». Взобравшись наверх практически с самого низа, Карло очень ценил свое положение и репутацию, поэтому ради их сохранения, а также ради приумножения влияния «семьи» готов был принять на себя роль хоть самого сатаны не то, что простого мстительного мерзавца.

Аккуратный человек вошел в кабинет мистера Гримальди и поздоровался. Помимо хозяина в кабинете оказался еще один человек – он стоял у шкафа с книгами, спиной к двери. Его звали Кэловей, и он не был итальянцем, как и аккуратный человек. И, как и аккуратный человек, он был полезен

«семье» не в последнюю очередь именно потому, что не был итальянцем.

– Да, доброе утро, Юджин! Как поживаешь?

Аккуратный человек искусственно улыбнулся в ответ на приветствие и ответил, что поживает неплохо. Кэловей продолжал прожигать глазами книжную полку, делая вид, что Юджина в комнате вообще нет. Аккуратный человек устроился в кресле и приготовился слушать.

– Выпьешь чего-нибудь?

– Нет, спасибо, мистер Гримальди.

Карло немного замялся. Несмотря на то, что Юджин всегда отказывался от выпивки, Гримальди это все равно каждый раз сбивало с панталыку. «Грустный Юджин вообще не пьет... и не ест. Возможно, он ходит в сортир, но никто из живых не может это подтвердить» – Карло вспомнились слова, которые ему сказал Майк Политано, рекомендуя нанять Юджина в первый раз. Карло улыбнулся тогда этим словам, а потом понял, что в этой шутке была доля шутки. Гримальди отвлекся от размышлений и понял, что пауза затянулась:

– Ну, не хочешь – как хочешь. Тогда к делам. По поводу Сахарка-О’Рейли – ты уверен, что оставил открытку?

– Да, мистер Гримальди, как вы и приказали.

– Тогда почему в газетах об этом ни слова? Из-за Сахарка мы лишились... Кэловей, сколько точно мы потеряли в Бостоне?

– Восемьдесят тысяч – груз, еще десять – транспортиров-

ка и пятнадцать на то, чтобы ни у кого не возникло вопросов.

– Больше ста штук. Я уверен, что Бостон не приносил столько убытков никому, кроме английского короля! Именно поэтому так важно, чтобы все заинтересованные люди понимали, что Сахарка не просто убили, Юджин...

Аккуратный человек прикрыл глаза и заговорил:

– Я выстрелил один раз – О’Рейли упал и застонал. Попал в живот – он был не жилец. Однако вы попросили сделать все так, чтобы это было похоже на казнь. Поэтому я добил его еще пятью выстрелами, потом достал открытку и вложил ее в его нагрудный карман, оставив уголок торчать... Газеты ведь по многим причинам могли не написать об этом. Возможно, «фараоны» не дали им этой информации. Возможно, тот, кто прибыл на место первым, решил прикарманить открытку, чтобы потом попытаться шантажировать «семью» – в таком случае мне его даже жаль. А может быть, кто-то просто утащил ее, как сувенир... Многое могло произойти, мистер Гримальди, но открытку я на трупе оставил.

Юджин лишь теперь открыл глаза и немного подслеповато посмотрел на Карло. Тот, в свою очередь, понял, что вернуть свой любимый трюк у него не вышло. Карло любил в начале разговора пожурить собеседника по какой-нибудь мелочи, чтобы заставить того чувствовать себя виноватым. В действительности Гримальди было плевать на Сахарка, открытку и Бостон. На сто пять тысяч ему не было плевать, как и на то, что партия превосходного оружия и армейской

амуниции теперь покоилась на дне Бостонской гавани, но с этим ничего сделать было уже нельзя, и Юджин в этом виноват не был.

– Ладно, черт с ним, с О’Рейли! Я тебя позвал для другого...

Гримальди обрезал сигару и принялся ощупывать взглядом стол в поисках зажигалки, но на столе ее не оказалось. Юджин нашелся почти мгновенно и дал ему прикурить.

– Спасибо. Так вот: есть такое замечательное, оставленное Богом место, как штат Техас. В этом самом Техасе, на самом юге есть город Гамбург. Основанный сразу после войны с мексами, к началу века имел почти две тысячи жителей. Сейчас официально тысяча, но по факту человек пятьсот. Достопримечательность одна – роскошная тропа для контрабанды из Мексики. Оружие, алкоголь и мексы, бегущие от своего пиздеца в наш пиздец. Тропа старая и всем известная, но так далеко от нормальной цивилизации, что до недавнего времени на Гамбург всем было, в общем-то, наплевать.

Разумеется, есть там и свой хозяин – Пакстон из людей Конноли. Обычная сошка вполне довольная своим положением и не лезущая наверх. С шерифом они лучшие друзья, мэр делает ему коктейли. А еще там есть мой непутевый младший братишка Франческо... или Фрэнки – кому как нравится.

Карло прервал себя и оглянулся на спину Кэловея, потом бросил взгляд на Юджина, грустно улыбнулся и продолжил:

– Фрэнки – идиот. Он всегда был идиотом. Не будь он моим братом, я давно скормил бы его парню вроде тебя. Потому что из-за него я потерял столько денег, сколько Хьюз в своих «Ангелов» не в грохал. . . Хотя нет, все же чуть поменьше, но, в общем, Фрэнки – это одна большая куча проблем и убытков. А еще он мой брат и я его люблю. Три года назад он влип по самые уши, и «фараоны» уже скреблись мне в дверь. Тогда я дал Фрэнки нескольких надежных ребят, включая старика Скарцони – цельнометаллического пидараса, который еще в прошлом веке «пером» работал в Палермо – и сказал, что в большие города ему путь закрыт, иначе я сам с ним разберусь.

Как ни странно Фрэнки послушал и поехал на юг. Там он остановился в Гамбурге и начал гонять пушки через границу. На то, что место занято, как и на то, что у нас с Конноли, вообще-то мир, ему было плевать. Поэтому теперь в Гамбурге живет пятьсот человек, а не тысяча. Кто-то теперь на кладбище, а большинство свалило куда подальше. Пакстон с Фрэнки славно постреляли, мы с Конноли славно поорали друг на друга, но когда ветерок из кабинета губернатора донес до нас запах Национальной гвардии, пришлось срочно мириться и делить рынок.

С тех пор в Гамбурге два хозяина и очень шаткое перемирие. Во время разборки между этими двумя баранами произошло что-то личное – я так и не смог разобраться что именно. Но теперь жить дружно хотим только мы с Конноли,

а шавки точат зубки.

А теперь самое интересное: три дня назад Скарцони смог передать мне, что кто-то валит их ребят в Гамбурге. Фрэнки не хотел сообщать, и старику пришлось исхитриться. А у меня возник соблазн оставить Фрэнки одного с его проблемами, но вчера вечером я был вынужден переменить свое мнение.

– Почему?

Этот вопрос прозвучал от Кэловея, который, наконец, понял, что не сможет проглядеть книги насквозь и развернулся к столу Карло. Гримальди махнул на него рукой:

– Всему свое время, Марв! Юджин, война в Гамбурге сейчас очень некстати. Скоро по тропе пойдет груз – это очень важный груз. Груз, который совершенно не ума Пакстона или Фрэнки... и не твоего, если уж на то пошло! Важно лишь то, что их мелкая распря сейчас совсем не к месту. Поэтому я и посылаю с миротворческой миссией чистильщика, Юджин. Езжай в Гамбург и разберись в том, что там происходит.

Фрэнки сразу распушит перед тобой перья, желая показать, какой он крутой босс – не верь ни на секунду. Рядом с Фрэнки сидит старик Скарцони – вот ему можешь верить. Наведи там порядок до того, как пойдет груз – у тебя двадцать два дня.

Юджин кивнул, уже прикидывая, сколько времени у него уйдет на дорогу до Техаса.

– Хорошо, мистер Гримальди. Разрешите идти?

– Нет, задержись. Это еще не все.

После этого Карло повернулся к Кэловею, который так и остался стоять у книжного шкафа:

– Теперь отвечаю на твой вопрос, Марв, и в продолжение нашего разговора: даже если это действительно лишь подковерная возня Пакстона и Фрэнки, закончить ее нужно как можно быстрее. Но... я не думаю, что это их разборки. Вечера вечером мне звонил Конноли. Он был изрядно раздражен и попросил меня надеть на Фрэнки намордник – его парней в Гамбурге тоже кто-то стреляет. Я сообщил ему о том, что намордник нужно надеть на Пакстона и услышал, что Пакстон после последней свары даже пернуть в сторону Фрэнки без разрешения сверху боится. Возможно, старик Конноли не так хорошо контролирует своих парней, как ему кажется, а возможно... в городе есть третья сила.

Карло заглянул прямо в глаза своему бухгалтеру и тот достаточно поспешно отвел взгляд.

– Если это так, если кто-то решил наехать и на нас, и на Конноли одновременно... ну, либо он очень тупой, либо очень крутой. Так или иначе, это даже примерно неприемлемо! Какой-то беспределщик приходит и начинает наезжать на уважаемых людей, а те, как полные идиоты, обвиняют друг друга вместо того, чтобы объединиться и защитить свои интересы!

Езжай в этот клоповник, Юджин, и проведи дезинсекцию. Если это все же Фрэнки с Пакстоном безобразничают – на-

давай обоим по морде. Пакстона можешь насмерть. А если действительно завелся кто-то третий, то принеси мне его голову.

2

Джули прошла на кухню, громко шлепая босыми ногами по полу. Я снимал яичницу со сковородки, поэтому не сразу обратил на нее внимание. Через мгновение с яичницей было покончено – я обернулся и увидел растрепанную заспанную женщину, которая жила со мной уже третий год.

– Доброе утро.

– Ага, доброе...

Джули, в общем, была достаточно простой женщиной, поэтому ворчливость в тоне обычно значила у нее лишь не самое лучшее настроение, а не что-то еще. Я искусственно улыбнулся, желая ее подбодрить. Джули скривилась:

– Лучше уж держи морду кирпичом, Юджин, раз уж не умеешь улыбаться по-человечески.

Я не обратил на ее слова внимания. Едва успел снять турку с огня, немного обжегся и схватился за ухо, едва не зашипев от боли. Джули широко потянулась и ушла в душ. Я был этому рад – с детства люблю завтракать в одиночестве.

Спустя пять минут моя порция яичницы и кофе была безжалостно уничтожена. Я сам не заметил, как закурил. Новое задание Гримальди не лезло у меня из головы. Карло ча-

стенко вел себя так, будто он босс всех «Пяти семей»¹ вместе взятых, являясь по факту просто хорошим и везучим капореджиме², который, пускай и создал свою «семью», все же жил в густой тени дона Мангано³. Ха, забавный народ эти итальянцы – даже в дырявых носках ведут себя так, как будто им принадлежит весь мир!

Хотя все это не отменяло того, что Карло не бросал слов на ветер и всегда был очень конкретен в формулировках. Если он сказал, что в Гамбурге любой ценой должен наступить мир, значит, можно не опасаться того, что кто-то из его парней будет лезть под руку и рассказывать мне, как можно наводить порядок, а как нельзя. Это было хорошо для меня. А вот то, что придется тащиться в душный и жаркий Техас, было плохой новостью...

– Странный ты, Юджин. Живешь с бабой, а завтрак сам себе готовишь. Избаловал меня...

Джули отвлекла меня от размышлений. Она принялась за свою порцию яичницы и не отказывала себе в удовольствии говорить с набитым ртом. Я налил себе еще кофе и ответил:

– А ты просыпайся раньше, чем я. Тогда и завтрак сама сможешь готовить.

¹ Пять крупнейших «семей» итальянской мафии, действовавших на Восточном побережье США.

² Одно из высших званий в иерархии итальянской мафии. Капореджиме или капо подчиняется непосредственно дону, возглавляет отдельную «команду» в составе «семьи» и доносит до простых исполнителей приказы дона.

³ Дон одной из «Пяти семей».

Джули перестала есть и подняла на меня пристальный взгляд. У нее было широкое лицо и большие карие глаза с вечными усталыми кругами под веками.

– Мне сейчас показалось, Юджин, или ты пошутил?

Я всегда вставал раньше нее, причем заметно.

– Показалось.

– Жаль! Неплохая была бы шутка, мистер Пять утра!

Она вернулась к еде, а я к размышлениям. Теперь я думал о грузе, который был столь важен для Гримальди и Кэловея. Оружие и алкоголь на границе с Мексикой не были новостью. Во многих штатах все еще действовали разнообразные ограничения, а то и полный запрет на выпивку, поэтому контрабанда алкоголя еще долго будет приносить прибыль, ну а пушки без прошлого в цене будут всегда. Но тут было что-то другое. Фрэнки, судя по всему, не знал о грузе, как и Пакстон, а значит, это было что-то действительно ценное. Может, героин?..

– Ты опять ушел на диван посреди ночи.

– Душно было.

– А я замерзла...

– Прости.

– В задницу твое «прости», Юджин! Каждый раз, когда ты уходишь, у меня чувство, что я делаю что-то не так!

– Ты все делаешь, как надо, дорогая. Дело вообще не в тебе – просто мне неудобно спать с кем-то в одной постели.

– Черт, но мы же не в первый раз друг с другом спали!

Мог бы уже и привыкнуть.

Джули начинала меня раздражать. Я слегка шумно выдохнул дым, показывая это раздражение.

– Чего ты от меня хочешь?

– Чтобы ты хотя бы со мной перестал быть застегнутым на все пуговицы отморозком! Я уже два года живу с тобой, сплю с тобой, а ты до сих пор для меня незнакомец. Я до сих пор не знаю, что у тебя за душой!

– Ничего.

– Ну да, конечно! Простой паренек Юджин Смит, убивающий людей с тем же равнодушным выражением на лице, с которым нормальные люди прикуривают...

Это пора было заканчивать – Джули опять лезла в закрытую комнату. Я, ничего не ответив на ее слова, встал и вышел из кухни. Вещи я собрал еще вчера вечером, кроме оружия. Теперь пришло и его время. Кольт и восемь магазинов к нему в сумку. Заряженный наган в кобуру. Коробка на пятьдесят патронов к нему тоже в сумку. Еще нож на крайний случай в ножны на правой ноге... Я почувствовал, как Джули обнимает меня сзади и тычется лицом мне между лопаток. Неужели она меня действительно любит? Зря она это.

– Когда ты вернешься?

– Где-то через месяц. Может раньше. Сама знаешь: хочешь насмешить Бога – расскажи ему о своих планах.

– Это чертовски долго! Ты еще не уезжал на такой срок.

– Работа есть работа, дорогая... Так – деньги в жестянке

для чая на кухне. Бери, сколько нужно. Если не хватит...

– Да знаю я!

Она положила руки мне на плечи и постаралась развернуть к себе лицом – я поддался. От Джули пахло яблоками. Как ей это удастся? Она же только что из душа, кожа на лице до сих пор красная... Она поцеловала меня в щеку, а потом заглянула в глаза. В ее глазах было море тревоги, а в моих все было как всегда.

– Возвращайся скорее.

– Конечно, дорогая.

Дверь громко хлопнула за мной. Я обругал себя за то, что не придержал ее. После этого я спустился вниз и забрался в машину. Я чувствовал, что Джули смотрит сейчас из окна. Посидел немного, собираясь с мыслями, а после этого завел машину и отправился на юг.

3

Гиблое местечко этот Техас. Особенно сейчас. Нищие, оборванные фермеры и автомобили, нагруженные скарбом, больные полиомиелитом дети с выражением всепонимающего прощения на запыленных лицах. Где-то я уже это видел. В тот раз целая страна пустила себе пулю в голову. Интересно, как получится у этих? Хотя, в который уже раз путешествуя по Америке, я вновь впечатлился этим искусственно созданным народом. Много выпивки, много грязи, много боли, а за всем этим совершенно неубиваемый, пронзительный оптимизм. Вера в то, что завтра будет лучше. Нужно только еще чуть-чуть поднапрячься и обязательно будет лучше. Я так не умею.

Поворот на Гамбург не обращал на себя особого внимания. Обычно я миную такие повороты, не задумываясь. разве только голод, усталость или спущенное колесо заставляют сворачивать в такие места ребят, которые едут в Калифорнию или, наоборот – на восток, во Флориду. Дел в Калифорнии у меня не было никогда, а вот в Тампе бывать однажды доводилось, лет пять назад. Я не был голоден, машина была в порядке, но свернуть в Гамбург мне все равно пришлось.

Не люблю жару. Плащ, в котором мне удобно более всего, пришлось закинуть в багажник. Рубашка прилипла к спине,

а запах пота перебивался только запахом разгоряченного ав-
то.

Где-то через час езды по весьма неплохой для этой части штата дороге я увидел щит с названием города. Почти все в этом щите кричало о том, что Гамбург, это самое прекрасное место на всей Земле. Я так и читал между строк: «Задержитесь у нас, оставьте у нас пару баксов! Ну, пожалуйста! Ну что вам, жалко? Эй, мистер, ну же – останьтесь... Ну и ва-ли в свою сраную Мексику, гребаный жмот!» Население го-рода, согласно щиту, составляло тысяча сорок два человека. Правда, кто-то мелом зачеркнул эту цифру и написал свер-ху ноль. А прямо под названием города тем же мелом было написано: «конец пути».

На въезде в сам город бил баклуши какой-то парень. Я увидел его издалека. Он тоже меня увидел. Когда я подъе-хал поближе, он оторвался от стены дома с заколоченными окнами и направился ко мне. Парню было лет семнадцать. Он изо всех сил пытался выглядеть угрожающе – это было смешно. Походкой, круче которой могут быть только яйца, парень подошел к моей машине.

– Ты кто такой?

Я смерил его брезгливым взглядом, хотел даже презри-тельно сплюнуть, но в горле совершенно пересохло. Я, ни-куда не торопясь, закурил и только после этого ответил:

– Турист. Путешествую по самым гнилым дырам Амери-ки. А ты чем занимаешься в то время, пока не работаешь

огородным пугалом?

Похоже, я немного перебрал. Парень всерьез обиделся и выхватил древний револьвер, который был больше него самого.

– Остряк, да?! Посмотрим, что ты на это скажешь, турист!

С этими словами парень, что есть силы, пнул переднюю левую фару моей машины и разбил ее. После этого он пискляво заржал и сказал:

– Проваливай, пока цел, турист!

Я чуть не стукнул себя ладонью по лбу. Это было настолько восхитительно тупо, что мне нечего было на это возразить. Конечно, разбить тачку нежелательного гостя – это лучший способ заставить его уехать! Я хотел посоветовать парню в следующий раз колесо новоприбывшему прострелить, но вместо этого выскользнул из авто и пошел на сопляка. Как я и ожидал, пистолет был ему нужен для понтов, а не для стрельбы. Он, конечно, направил его на меня, но стрелять не стал. Парень судорожно пятился назад – я спокойно наступал. Неожиданно раздался сухой щелчок – сопляк все же решился нажать на крючок! Он уставился на бесполезный револьвер со смесью изумления и ужаса на лице. Пока он изумлялся, я успел подойти вплотную, схватил его за руку с револьвером левой рукой, а правой ударил в живот. Парень согнулся, и я добавил ему локтем по загривку, одновременно вырвав пистолет из его ослабевшей руки.

Сопляк стонал и приходил в себя на земле, а я откинул

барабан старого, еще прошлого века, револьвера и высыпал из него отстрелянные гильзы. Тот, кто вооружил паренька, либо очень смешно пошутил, либо был совершенно серьезен. В любом случае, я тоже считал, что пушки детям не игрушки.

Я кинул револьвер в машину и вернулся к пареньку. Рывком поднял его на ноги и, сделав злое лицо, спросил:

– Кто послал тебя сюда? Пакстон или Гримальди?

Пацан был готов расплакаться.

– Ш-ш-шериф Кросби, мистер. Он сказал, чтобы я спрашивал всех залетных.

Даже так? Этого я не ожидал, впрочем, это позволяло мне сразу проверить одно достаточно важное обстоятельство. Я искусственно улыбнулся, что, кажется, напугало парня даже сильнее, чем моя злобная гримаса. Я заговорил:

– Во-первых: если хочешь спровадить человека, не тронь его тачку. Ребят, вроде меня, разбитая фара заставляет остаться подольше, а не поскорее уехать. Лучше будь навязчиво обходительным – люди решат, что ты хочешь что-то им продать и поспешат сделать ручкой. Это на будущее. Во-вторых: сейчас я тебя отпущу, и ты пойдешь к шерифу... в глаза мне смотри... к шерифу и не к кому другому, понял меня?..

Я дождался испуганного кивка и продолжил:

– Ты пойдешь к шерифу и скажешь ему, что к Фрэнки Гримальди прибыло подкрепление из Чикаго. Скажи ему, что у меня уже была разбита фара, когда ты меня увидел, и я

спросил у тебя дорогу к механику. В-третьих: твой револьвер побудет у меня, а то ты еще на какого-нибудь угрюмого типа его наведешь, а тебя из-за этого шлепнут. В-четвертых...

Я оглянулся на машину, и мне очень захотелось надавать парню пощечин за то, что теперь мне действительно был нужен механик, но тот и так был полумертв от страха, поэтому я потратил «в-четвертых» на что-то более важное:

– Как добраться до механика?

Хитроватый малый с соломенными волосами по имени Таттл. Механик, разумеется, поворчал, глядя на разбитую фару, но взял по-божески. Я сказал, что побуду в ближайшие пару часов в мастерской, он запротестовал, но несколько баксов сверху заставили его смириться с моим неназойливым обществом. Я уселся на грубо сработанный табурет лицом к воротам в мастерскую и стал ждать того, кто войдет в эти ворота первым.

Карло Гримальди обмолвился, что шериф Гамбурга является приятелем Пакстона. У меня не было оснований не доверять Карло, но кардинально важные вещи я привык проверять. Паренек на въезде в город, конечно, не слушается моего указания – он пойдет к шерифу и скажет ему, что жутко страшный, угрюмый дядька чуть не пришиб его и назвался подкреплением для Фрэнки Гримальди. Шериф, в свою очередь, направится с этой информацией к тому, чью дружбу ценит больше. Через час, от силы через полтора в ворота мастерской войдет, либо один из парней Пакстона, либо один из итальянцев. Для меня было не очень важно, кто проявит ко мне интерес первым, но вот позиция шерифа меня интересовала чрезвычайно.

Таттл увлекся работой и затянул «О, моя дорогая Клемен-

тина»⁴. Он неожиданно хорошо пел. Я даже улыбнулся по настоящему, заслушавшись.

Через полчаса в мастерскую вошел чернявый красавец, и я вынужден был сделать вывод, что шериф теперь, похоже, больше ценит компанию Фрэнки, а не Пакстона. Итальянец приблизился ко мне уверенным шагом, мельком глянув на Таттла, который с ним поздоровался.

– Ты кто такой?

Несмотря на разницу в возрасте, итальянец был таким же босяком, что и парень, который разбил мне фару, правда, пистолет у него, очевидно, был заряжен. Поэтому ответил я ему не то, что парню:

– Я – подкрепление из Чикаго.

Он смерил меня презрительным взглядом.

– Мистеру Гримальди не нужно подкрепление. У нас все под контролем.

Я посмотрел ему в глаза и улыбнулся:

– Синьор – я сделал ударение на этом слове. – Синьор Гримальди из Чикаго считает по-другому. Он отправил меня сюда, чтобы установить мир. Если Фрэнки не хочет, чтобы это был мир по его правилам... что же, буду устанавливать по своим.

– А силенок хватит?

– Если тебе не повезет, узнаешь.

Парень отшагнул назад и встал полубоком ко мне – босяк

⁴ Американская народная песня.

или не босяк, но в драке он бывал. Только нападать я не собирался. Вместо этого я примирительно развел руками:

– Слушай, я такой же солдат, как и ты. Мистер Карло Гримальди приказал мне разгрести бучу, которая здесь заварилась. Он сказал, что кто-то валит ребят Фрэнки...

Чернявый тут же расслабился, показав, что пусть он и бывал в драке, но все же не очень часто. Итальянец достал сигарету, я дал ему прикурить.

– Ну да, есть такое. Все началось где-то две недели назад. Сначала залетный положил двоих наших. За дело положил... Хотя, черта с два! Ну, побуянили ребята, но не настолько же, чтобы их насмерть...

Я позволил себе перебить его:

– Что за залетный?

– Да вообще хрен с горы! Просто возник в городе и все. Назвался Майком Шпигелем. У нас здесь все немного напряженно в последнее время. К Пакстону прибыло несколько парней от Конноли. Сам я не видел, но говорят, что настоящие профессионалы, вроде как боевики ИРА в бегах. Ну, Фрэнки прикинул, что теперь за Пакстоном преимущество, да нанял пару ребят. Не бог весть что, но на мишени сгодятся. А заодно Фрэнки велел «закрыть» город, если смекаешь, о чем я...

– Смекаю.

– И тут этот Шпигель прикатывает. Ну, наши на него наехали, а он обиделся – в итоге два трупа...

Чернявый замолчал и глубоко затаился. Я решил, что он закончил, и уже хотел начать задавать вопросы, но итальянец неожиданно рассмеялся и продолжил:

– Шпигель этот... но только это тсс, никому...

Я заверил, что «тсс» и «никому».

– Шпигель этот поймел Пакстона, а теперь имеет Фрэнки. Он, как грохнул наших, пошел наниматься к Пакстону, а вечером того же дня приходит и говорит, что решил переметнуться, мол, Пакстон решил его похоронить в тихую. Ну, Фрэнки в своем духе, возьми и положи этому Шпигелю четыре сотни сразу и еще две каждый месяц. Уж как старик Скарцони с ним не срался...

Я скорчил оскорбленную гримасу под стать своему собеседнику и проговорил:

– Нехорошо это...

– Ну да... Да и вообще, Шпигель, вроде, не при делах, но трупы-то после его появления пошли. С тех пор, как на бочке пороховой живем. Причем фитиль уже горит, а мы все ждем, что пойдет дождик!

– А с чего известно, что Шпигель не при делах?

Чернявый ухмыльнулся и махнул головой куда-то за стену мастерской:

– Да прикипел он тут к одной шлюшке из салона Лу. Голди...

Парень расплылся в дурацкой ухмылке и на несколько мгновений погрузился в мечты, судя по всему, об этой самой

Голди. Я бесцеремонно вмешался:

– И что, что прикипел?

Парень вернулся к неприглядной реальности и глянул на меня с детской обидой. Я дал ему прикурить еще раз и обида прошла.

– Она, видать, тоже прикипела. Во всяком случае, как труп поутру, так Шпигель ночь у Голди провел.

– И что, все верят?

– Да понимаешь... верят, а потрясти Голди, как следует, никто не решается. И не решится. И я не стану...

Раздался выстрел и чернявый повалился вперед. Я быстро сориентировался, бросился с табурета на земляной пол и успел накрыться трупом итальянца. Выстрелы следовали один за другим. Кто-то работал мерно и спокойно, методично отстреливая две обоймы с двух пистолетов. Выстрелы происходили почти одновременно, и я решил, что это не два стрелка, а один, стреляющий с двух рук. Ворота мастерской превращались в неаккуратное решето, как и стена напротив них. Секунд через сорок, от силы через минуту выстрелы стихли, и наступила оглушающая тишина в окружении щепок и пыли.

Я мог бы стрелять в ответ, но это было нецелесообразно – пусть стрелок думает, что я мертв. Я выбрался из-под трупа чернявого, в спине которого было три лишних отверстия, и аккуратно подобрался к «глазку», проделанному одним из выстрелов в воротах мастерской – разумеется, стрел-

ка на улице уже не было.

Я оглянулся в мастерской и нашел испуганное лицо Таттла. Тот был жив и невредим. Я улыбнулся ему. Гамбург встречал меня оркестром, цветами и салютом.

Штаб Фрэнки располагался в южной части города, в здании оружейного магазина. Над входом в магазин красовалась вывеска с названием: «Пушки Джексона». Не знаю, действовало ли сейчас это здание по своему изначальному назначению, но людей с пушками здесь по-прежнему хватало. Механик Таттл, указывая мне дорогу сюда, дал бесплатный совет о том, что с Фрэнки лучше не встречаться, а если уж встретился, то лучше быть с ним в друзьях. Я поблагодарил соломенную голову и набросил несколько долларов на ремонт мастерской, попросив, заодно, посматривать по сторонам.

Внутри гамбургского филиала «семьи» Гримальди меня не пустили. Это было ожидаемо. Лезть в драку смысла не было, по крайней мере, сейчас, поэтому я отошел на середину улицы и заорал во все горло:

– Человек, которого ты отправил в мастерскую Таттла, мертв! Убил его не я! Кто-то охотится на твоих людей, Фрэнки, если ты не хочешь остаться без них через пару недель, помоги мне!

На громилу у входа моя тирада впечатления не произвела, но я вообще не уверен, что он понимал по-английски. В окнах мелькнуло несколько лиц, но на этом все стихло. Я отошел под короткую тень на противоположной стороне улицы

и закурил. Тупоумное упрямство Фрэнки, так легко отказывающегося от помощи старшего брата – да черт с ней с помощью – просто от бесплатного солдата, начинало раздражать меня. Я мог бы работать один, к этому я привык, но очень не хотелось работать без тыла и опоры.

Я докурил. Окурок отправился в портсигар. Я сощурился на безбожно-безоблачное небо и уже хотел сделать шаг из прохладной тени, когда дверь магазина неожиданно открылась, и из нее вышел невысокий, но, по виду, весьма крепкий старик. Я закурил еще одну и стал ждать, когда посланец Фрэнки подойдет, но тот встал ровно у границы тени, отбрасываемой навесом над дверью в магазин. Он заговорил неожиданно глубоким и сильным голосом:

– Мистер Гримальди не обращался в Чикаго за помощью. С чего нам верить, что ты от «семьи»?

Я почти не сомневался, что старик, это тот самый цельнометаллический Скарцони, которого Карло поставил присматривать за своим младшим братом. А еще именно Скарцони сообщил в Чикаго о проблемах Фрэнки. Раз Фрэнки до сих пор не знает об этом, значит что-то в их отношениях изрядно не в порядке. Впрочем, старик задал мне вопрос, на который нужно было ответить.

Я медленно и спокойно, чтобы не провоцировать, достал из внутреннего кармана пиджака открытку. Такие открытки Карло иногда просил оставлять на телах «клиентов». На белом картоне были изображены скрещенные большие берцо-

вые кости, а под ними написано: «твоя плата». Этакая черная метка. Насколько я знал, почти никто, кроме Карло, такими штучками не баловался, а потому Скарцони должен был узнать открытку.

Я все же вышел под солнце, но лишь для того, чтобы через пару мгновений оказаться под навесом у оружейного магазина. Вблизи старик производил более грозное и даже зловещее впечатление. Высушенное лицо, изрезанное глубокими морщинами, было похоже на изюм или на кору дерева. Левая рука, как бы небрежно заведенная за спину – я не сомневался в том, что в случае чего в этой руке мгновенно появится нож, стилет или бритва. На другой руке не хватало среднего пальца. Именно ею он принял у меня открытку. Глянув на картонку лишь мельком, мое лицо старик рассмотрел очень внимательно.

– Ты ведь не из «семьи»? Ты не похож на итальянца.

Я отдал старику должное. Со своими темными волосами и глазами я вполне тянул на итальянца, но он распознал во мне чужого почти сразу, как увидел. Я ответил:

– Я не итальянец и я не из «семьи». Синьор Гримальди доверяет мне решение проблем. У вас есть проблемы...

– Так ты чистильщик?

Я кивнул. Старик смерил меня взглядом с ног до головы, а потом подал руку для рукопожатия. Я протянул свою. В следующее мгновение Скарцони высвободил из-за спины вторую руку с зажатым в ней лезвием. У меня были лишь доли

секунды до момента, когда бритва доберется до моего лица или шеи. Я толкнул старика правой рукой от себя и подсек ноги. Скарцони начал падать, но я почувствовал прикосновение лезвия к своей шее – он победил. Если бы старик хотел меня убить, я был бы мертв. Хорошо, что он не хотел.

Только теперь громила, стоявший совсем рядом, начал двигаться, но Скарцони тут же гаркнул на него по-итальянски и тот вернулся на место. Я протянул старику руку, чтобы помочь встать – он принял мою помощь.

– Я Скарцони.

– Юджин Смит.

– Серьезно?

– Предельно.

Старик еще раз оглядел меня и показал следовать за ним. Внутри почти ничего не говорило о том, что здесь когда-то был оружейный магазин. Внутреннее убранство соответствовало скорее бару или казино. На первом этаже было человек десять. По крайней мере, в общей комнате. В основном итальянцы, хотя было и несколько наемников со стороны. Вряд ли это были все солдаты Фрэнки. Скарцони провел меня по лестнице на второй этаж и постучал в дверь в конце коридора.

Франческо Гримальди не был похож на Карло. Высокий и худой. Черноволосый, в отличие от брата. Глаза тоже были другого цвета. Это уже кое о чем говорило. Впрочем, свои мысли по поводу того, насколько эти двое родные друг другу,

я решил оставить при себе.

Одетый с иголки Фрэнки смотрел на меня с леностью жирного кота, который понимает, что его сейчас будут кормить. Скарцони встал по правую руку от своего босса. Вполне приличное приветствие и даже обходительность Фрэнки удивили меня. Он предложил выпить. Я согласился. Виски в такую жару в меня бы не залезло, но отказ мог бы показаться невежливым. Когда принесли два бокала с виски, Фрэнки взял свой и, наконец, приступил к делам:

– Как Карло узнал, что в моем болотце появились проблемы?

Скарцони виделся мне возможным союзником, поэтому я решил пока что прикрыть его:

– Не знаю, мистер Гримальди.

– А почему отправил именно тебя?

– Я умею наводить порядок.

Фрэнки посмотрел на старика и рассмеялся.

– Слышь, Скарцони, Карло к нам парламентаря прислал!

Старик ничего не сказал, лишь кивнул, сохраняя на лице безразличие. Фрэнки сделал приличный глоток и обратился уже ко мне:

– С такой падалью, как Пакстон, нельзя вести переговоры – их надо сразу пристреливать. Мне не нужен парламентар.

– Я не сказал, что я парламентар, мистер Гримальди – я сказал, что умею наводить порядок.

– А я и сам с этим справляюсь! Мне не нужна шавка Кар-

ло, которая будет подбирать за мной дерьмо!

Фрэнки перешел на крик немного неожиданно для меня. Я сделал вид, что отпил из бокала, чтобы немного взять паузу. После этого я искусственно улыбнулся и заговорил:

– Я не собираюсь подбирать за тобой дерьмо – сам справишься. Ваша с Пакстоном возня не нравится взрослым и я здесь, чтобы ее прекратить. Я сделаю это, Фрэнки. С твоей помощью или без оной.

– Да нет никакой возни! Я просто уложу этого сукиного сына и возьму свое! И не смей больше общаться со мной так, будто мы равны, козел!..

Я посмотрел на Скарцони и придал своему лицу немного извиняющееся выражение. Возможно, мне показалось, но старик едва заметно кивнул. Я все же выпил виски одним глотком, а после этого встал и надел шляпу.

– Значит так, Фрэнки, через две недели здесь будет тихо и спокойно. С тобой, либо без тебя. Вместо того чтобы отказываться от бесплатной помощи подумал бы лучше о том, как люди Пакстона узнали, что я и твой человек были в автомастерской. Похоже, шериф любит тебя не так сильно, как ты думал... или среди твоих ребят есть «крот». Когда подумаешь, найди меня. Может быть, но только МОЖЕТ быть, я соглашусь тебе помогать.

Я решил последовать еще одному бесплатному совету Таттла и остановился в салоне Лу, бывшем по совместительству еще и единственной гостиницей в городе. Еще бы этот совет не был бесплатным! В дверях я разминулся с одним парнем. Кого-то он мне напомнил. Не конкретного человека даже, а скорее конкретный тип людей. Я такой тип уже много лет не встречал. Он тоже оценил меня взглядом, возможно, я тоже ему кого-то напомнил, впрочем, через пару секунд мы разошлись в разные стороны.

Невыносимая духота пропитала зал на первом этаже насквозь. Две изрядно потасканные бабы очевидного рода деятельности увлеченно играли внезапно в лото и не проявили ко мне никакого интереса. Я к ним тоже. Кроме шлюх в зале был тот самый Лу. Устрашающий здоровяк с большой лысой головой и сильным французским акцентом. Я взял номер – как я и ожидал, свободных комнат было полно. Попросив у хозяина устроить к вечеру ванну с чистой и горячей водой, я поднялся в свой номер, завесил окно толстым одеялом, которым была застелена кровать, и с чистой совестью уснул.

Проснулся через несколько часов с чудовищной головной болью – так мне и надо за то, что позволил себе задряхнуть в такую жару! Какая-то сволочь стучала в дверь. Мне захо-

телось кинуть в дверь ботинком, но вместо этого я провел рукой по волосам, расстегнул кобуру с наганом, лежавшую на прикроватной тумбочке, и крикнул:

– Войдите!

Дверь легко отворилась и в комнату вошла девушка. Ей было лет семнадцать, она очень заметно хромала. Ее лицо... оно было красивым. Хотя нет, не было оно красивым – оно было знакомым. Темные волосы, выразительные, пусть и не очень большие темные глаза, бледная кожа, отчего-то почти не потемненная солнцем, старые оспинки от ветрянки, немного мальчишеское выражение. Я едва не упал в омут воспоминаний, но вовремя остановил себя, в очередной миллионный уже раз мысленно проговорив: «Никого не осталось».

Девушка смотрела на меня с опаской. Я хотел улыбнуться, чтобы подбодрить ее, но не стал.

– Чего тебе?

– Мистер... там пришел пожилой джентльмен, он хочет поговорить с вами.

– Итальянец?

Девушка стрельнула на меня взглядом – возможно, мне показалось, но этот взгляд был полон совершенно ледяного презрения. Впрочем, меньше чем через мгновение от этого взгляда не осталось и следа.

– Кажется да, мистер.

Я встал, накинул пиджак, застегнул верхнюю пуговицу на

пропотевшей рубашке. Я ожидал, что Скарцони придет поговорить. Он явно был умнее своего босса, а потому далее я собирался общаться с Фрэнки только через него. Отвлеченный своими мыслями, я совсем позабыл о девушке, которая так и осталась стоять в дверях. Даже не знаю, почему она осталась.

– Как тебя?

– Мэрион, мистер.

– Ты умеешь хранить секреты, Мэрион?

– Я работаю в гостинице...

Я истолковал этот ответ в том смысле, что в гостиницах много секретов.

– Сколько ты получаешь за свою работу, Мэрион?

Девушка посмотрела на меня дерзко и теперь мне точно это не показалось.

– Я получаю за свою работу двадцать два цента в день плюс койка и еда.

– Хочешь больше?

– Я не шлюха, мистер!..

Похоже, я дал части своих чувств проявиться на лице, потому что теперь девчонка меня боялась, она даже сделала неловкий шаг назад. «Двадцать два цента в день плюс койка...» – если бы я все еще верил в Бога, я помолился бы за тебя, милая Мэрион! Я быстро пришел в себя и беззлобно бросил:

– Дура... Сдались мне твои малолетние достоинства! Да-

вай так, Мэрион: доллар в день и каждый вечер ты рассказываешь мне все новости и секреты, которые узнала за день. Идет?

Мэрион замешкалась – похоже, что для нее это было в новинку, впрочем, решение она приняла довольно быстро. Хромоножка просто кивнула, не сказав ни слова. Я кивнул в ответ и поспешил вниз, не желая и дальше заставлять Скарцони ждать.

Механики, уборщицы, я бы еще добавил сюда таксистов, но в Гамбурге не было таксопарка – вот самые лучшие источники информации, особенно если умеешь отделять навоз от золотых коронок. На самом деле юная Мэрион нужна была мне, чтобы приглядывать за новоприбывшим Майком Шпигелем, который навещался сюда к одной из шлюх. Этот Майк показался мне подозрительным сразу, как я услышал о нем от покойного ныне человека Фрэнки. Предчувствие. Нужно будет посмотреть на Шпигеля, как появится возможность.

Скарцони сидел у дальней от входа стены. Профессионал во всем. Устроился спиной к стене, чтобы видеть весь зал. Поза свободная, одна рука на столе, вторая спрятана. Перед ним стоял начатый бокал с кефиром. Я подошел к старику и устроился за тем же столом.

– Здесь или у меня?

– Все равно. Те, кому надо, сделают из моего прихода сюда не меньше выводов, чем из того, о чем мы будем говорить.

– А нам есть о чем говорить?

Скарцони глотнул из бокала и ответил:

– Франческо – идиот.

Я улыбнулся:

– Синьор Гримальди сказал мне то же самое, когда от-
правлял сюда.

– Потому, что это правда и Карло всегда это знал.

– Так зачем ты пришел?

– Ты видел того, кто стрелял в Луку?

Я замялся, пытаюсь вникнуть, кто такой Лука, но быстро
понял, что речь идет о парне, погибшем в автомастерской.

– Нет, не видел. Стреляли сквозь дверь. Скарцони, стре-
ляли в меня, а не в Луку. Вы ведь узнали о том, что я в го-
роде, от шерифа или от одного из его людей?

– Да, от сопляка Джима Мюррея. Он помощник шерифа.

– Лет семнадцать, высокий, худой, визглявый голос и пон-
тов полные штаны?

– Да, это он.

– Я встретил его на въезде в город и сказал, зачем я здесь
и где меня искать, более того, я сказал ему идти с этим к
шерифу, понимая, что шериф побежит, либо к вам, либо к
Пакстону...

Старик продолжил за меня:

– А шериф побежал в обе стороны сразу!

Далее последовало какое-то редкое ругательство по-ита-
льянски.

– Скарцони, я примерно понимаю, что происходит в городе, и действительно хочу, чтобы победили именно вы. В конце концов, выживание Фрэнки в некотором смысле является частью моего задания. С ним делать дела бессмысленно – ты сам это понимаешь, потому и пришел. Помоги мне и все разрешится пусть не безболезненно, но хотя бы быстро.

Старик допил кефир, вытер рот рукавом и посмотрел на меня:

– Чего ты хочешь?

Первое, что меня интересовало, это рассказ о появлении итальянцев в Гамбурге и начале их противостояния с Пакстоном. Мне нужна была информация из первых рук. Фрэнки со своими людьми появился здесь два с половиной года назад. Они скитались некоторое время, но нигде не могли закрепиться. К тому моменту у Фрэнки оставалось четыре солдата, включая Скарцони. Гамбург был их последним шансом. Фрэнки имел знакомства с той стороны границы и смог договориться о транзите новехонького оружия прямо со складов мексиканской армии. Поначалу все было тихо и спокойно. Городок был занят ирландцами и Фрэнки продемонстрировал Пакстону свою лояльность, даже платил процент от сделок некоторое время.

Схема выглядела следующим образом: раз в две недели из Мексики приходил груз. Фрэнки получал этот груз и выставлял в своем оружейном магазине. Разумеется не для всех желающих. Через пару дней после получения груза в магазине появлялся перекупщик из Луизианы. Всегда один и тот же. Он покупал весь груз, как бы по закону. На случай вопросов от властей у Фрэнки были нужные документы и разрешения, но вопросов, как ни странно, не последовало ни разу. Перекупщиком, разумеется, был человек «семьи». Груз уходил в

Луизиану, а затем расползлся по всему Восточному побережью. Хороший бизнес.

Всех все устраивало. Пакстон так и не заимел серьезных связей в Мексике и потому не мог рассчитывать на богатые караваны, а так он имел процент за «крышу» и сохранял хорошие отношения с итальянцами. Всех все устраивало, кроме Фрэнки, которому хотелось, конечно, быть полноправным хозяином города. Он начал копить силы, а потом ударил по Пакстону, но ирландец за свое место держался крепко. В итоге больше двадцати трупов и сохранение статус-кво. Поняв, что оказались на настоящей войне, местные похватили пожитки и стали разбегаться, кто куда. Остались только те, кому некуда было идти, и те, кому на все было плевать.

Неизвестно сколько бы продлилась эта буча, но старый мэр, который был большим другом и сторонником Пакстона, наплевал на эту дружбу, вызвал рейнджера⁵... а потом разбился в автоаварии. Скарцони всерьез уверял меня, что авария была просто аварией. Возможно, так оно и было, но только это было уже не важно. Рейнджер приехал, осмотрелся, понял, что сам не справится, и написал раппорт о массовых беспорядках в офис губернатора штата. Запахло жареным. Тут уж подсуетились большие шишки, надавили на

⁵ В штате Техас функции полиции штата выполняет подразделение Техасских рейнджеров, в функции которого входит расследование серий преступлений, совершенных в разных округах, поиск разыскиваемых преступников на территории штата, восстановление общественного порядка и помощь шерифам округов в расследовании преступлений.

Пакстона, надавили на Фрэнки. Провели между ними между – Фрэнки работает с оружием, а Пакстон с алкоголем и ни-ни в чужой огород. С тех пор и до недавнего времени все пребывало в шатком равновесии.

Все или почти все из этого я уже знал. Добавились новые детали, но ничего решающе важного. Скарцони замолчал. Я пил воду и оценивал услышанное. Опускался вечер. В моей голове возник вопрос, который старик совершенно обошел стороной:

– Что случилось между Фрэнки и Пакстоном? Фрэнки за что-то его очень конкретно ненавидит. Больше, чем просто конкурента.

Скарцони неожиданно тяжело вздохнул, потом посмотрел на Лу и крикнул:

– Виски мистеру Смигу, Лу, и мне еще кефира!

Несмотря на приближающийся вечер, зал почти не заполнялся – похоже, жители Гамбурга были не особенно горазды развлекаться в нынешние времена. Виски появилось передо мной через пару минут. Скарцони выпил пол бокала кефира сразу, а я повременил с выпивкой и решил вместо этого закурить. Старик заговорил:

– Ты знаешь, Франческо ведь не такой уж и плохой парень. Просто невезучий до ужаса! Мать умерла, отец все время был черти где. Карло-то всегда был, как кремень, а Франческо не такой... Прибыв в Гамбург, он встретил одну ба... женщину. Тогда эта дыра еще не была такой мертвой и без-

надежной, попадались в ней и свои сокровища. Она жила на ранчо неподалеку. Вдова с двумя детьми. На семь лет старше Франческо и не итальянка, даже не католичка – доны таких в жены не берут. И все же что-то у них завертелось. Когда пошла буча с Пакстоном, Франческо поставил людей у ее ранчо. Троих. Нужно было поставить больше. В пожаре никто не выжил. Из-за чего начался пожар, никто не знает. Франческо сразу решил, что это работа ирландцев, а Пакстон – кусок дерьма! – еще и издевался над ним, посмеивался...

– С тех пор Фрэнки орет на всех подряд?

– Нет, таким он был всегда. Но с тех пор он избивает шлюх до крови... Если ты хотел помирить этих двоих, мистер Смит, то хрена с два. Для Франческо уничтожение Пакстона, это вендетта. Знаешь, что это?

Я кивнул.

– Мир в Гамбурге никогда не наступал, мистер Смит – мы просто на время перестали друг в друга стрелять. Теперь это время кончилось.

– А что послужило к этому толчком? Кто начал?

– Трудно сказать. Две недели назад пьяная драка между нашими и их бойцами закончилась двумя трупами. С тех пор и понеслось. Мы потеряли уже пятерых. Они троих или четверых. Самое идиотское, что все происходит спонтанно. Без приказа, без плана. Кто стрелял? В кого стреляли? Что именно привело к ссоре? Не думал, что скажу это когда-нибудь, но нам бы не помешал хороший коп...

– А ты уверен, что вы сражаетесь лишь друг с другом?

– Что ты имеешь в виду?

– Синьор Гримальди сделал предположение, что вас может намеренно стравливать кто-то третий. Ты не думал об этом?

Скарцони задумался, перевернув пустой бокал из-под кефира и шумно водя им по грубой поверхности стола. Привычка что ли? Старик заговорил, так и не прекратив своего занятия:

– А зачем кому-то ломиться в наш гадюшник?

– А зачем вам было ломиться в занятое гнездо два года назад?

– Справедливо... Нет, об этом я не думал. Проблема в том, что чтобы это проверить, нам с Пакстоном нужно хотя бы ненадолго перестать друг друга ненавидеть. Я тебе уже описал, почему этого не будет... Кроме того, Франческо, может, и не ангел, но ведь и Пакстон – мразь та еще! Это ведь он пригласил своих ирландских боевиков и заставил нас вербовать новых людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.